

2•1980

ОГНИ

апрель • июнь

ОГНИ КУЗБАССА

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
АЛЬМАНАХ,
ОРГАН КЕМЕРОВСКОЙ ОБЛАСТНОЙ
ОРГАНИЗАЦИИ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ РССДСР

Выходит ежеквартально

Год издания 32-й

№ 2(67)

В Н О М Е Р Е

СТИХИ

Гренада

Новокузнецкое литературное объединение

Николай Николаевский. Ночные смены. Чествуют шахтеров. Перед грозой. Воспоминания друзей.	3
Александр Раевский. После дождя. Молодые.	35
«Я по комнате пройду...».	35
Виктор Бонин. Подкова. «Расстелена дорога...»	36
«Мои руки...» Скорость	36
Владимир Петраш. «Обиду, как испепленный сон...»	37
Мгновение. Бревенчатый собор	37
Анатолий Балакай. «Все реже, реже в небе сияет...»	38
«Когда-нибудь под воскресенье...»	38
Станислав Долгов. Присказка. Волшебные сундуки.	39
Леонид Сербин. «Прощаюсь, каюсь, лгу себе...»	40
«Не учи хорошему...» «Давай с тобою так поговорим...»	40

Мэри Кушникова

СЧАСТЛИВЫЕ И ГРОЗНЫЕ ДНИ ДОСТОЕВСКОГО

Знакомство. Это было в 1977 году в более чем скромном углу одного из залов Новокузнецкого краеведческого музея. С фотографии глядел человек в мундире. Скуластый, с жестким лицом. Взгляд до того настойчив, что кажется пронзительным. Федор Достоевский. Тот, что пишет о себе: «Я — человек маленький», и заявляет: «Мое имя стоит миллиона!». На другой фотографии — женщина, с высоким, ясным лбом, с глазами темными, глядящими пристально и настороженно. Чуть сумрачное, цыганское в чертах. Это Мария Дмитриевна Исаева, урожденная Констант, в каком-то колене француженка по отцу.

Тут же в экспозиции музея — фотография лиственицы. Именно она,— увы! срубленная ныне,— была свидетельницей прогулок счастливой четы.

И еще — фотография Одигитриевской церкви. В ней 6 февраля 1857 года обвенчались Федор Михайлович Достоевский и Мария Дмитриевна Исаева. Со дня венчания их в тот год прошло — 120 лет.

Не столь долг и вовсе не счастлив был этот брак,— так надо ли говорить о том венчании как об особенном событии?..

Попытаемся заглянуть на сто лет назад.

Как любой роман, тот, что разыгрался (а он именно «разыгрался», как разыгрывается буря или ураган) между Достоевским и Исаевой, имел сочинителя, фабулу, героя, как любой роман,— я этот тоже получил закреплен-

ный временем «пгтами восприятия».

Сочинитель... К «грозным и счастливым кузнецким дням» Достоевский и Исаева стремились более двух лет. Все до того — центростремительное тяготение друг к другу, все после — центробежное отталкивание личностей сильных, самобытных, а потому несовместимых.

Возможно, «грозное чувство» к Исаевой (великий писатель так и называл свое тогдашнее состояние) испытывал не столь Достоевский-человек, сколь Достоевский-сочинитель, и все время, до самых «кузнецких дней», он скорее «дописывал» свое чувство и «достраивал» действие своего романа, а Исаева оставалась не выдуманной, а реальной его героиней.

Может быть, Достоевский, душеписатель униженных и оскорбленных, не проникся бы «грозным чувством», не будь Исаева настолько обделена судьбой. Может быть, Достоевский не обогатился бы отпечатком, который отложил короткий кузнецкий период на всю его жизнь, будь супруг этой женщины, Александр Иванович Исаев, не просто «нейисправимый алкоголик с самыми грубыми инстинктами и проявлениями во время своей невменяемости». Но он был также «человек доста-
точно образованный, ставший к Достоевскому в приятельские отношения и гостеприимно принимавший его в своем доме» (П. П. Семёнов-Тян-Шанский).

Дом Достоевского в Новокузнецке. Здесь и далее фото к статье Виктора Сергеева

И герония. Уроженка Астрахани Мария Дмитриевна, дочь директора гимназии (впоследствии начальника карантина), сама успешно окончившая курс обучения в гимназии (тоже редкость по тем временам для женщины среднего круга), выходит замуж за учителя Исаева и тем самым связывает свою судьбу с человеком, который неотвратимо тянет ее ко дну. Из родительского дома она следует за ним в Семипалатинск, а затем в Кузнецк, по сравнению с которым даже Семипалатинск (Достоевский называет его «Семипроклятник») — большая столица. В Семипалатинске, а еще пуще в Кузнецке, по мере падения супруга, Мария Дмитриевна — изгой. В семипалатинских гостиных злобно шпятят: «Связалась с ссыленным солдатом», — это с Достоевским. Исаева, почти нищая, в нищенском своем доме доверчиво приютила дочь ссылочного поляка Ордынского, и тут уж вполне смятение: «Сама не всякий день обедает — а туда же, благотворительствует!»

Вырисовывается, вырисовывается образ, вполне соответствующий сумрачному лицу с кузнецкой фотографии...

Фабула. На последнем рубеже падения А. И. Исаева удается пристроить в Кузнецк «служащим по корчмной части» (в семипалатинско-мордасовских салонах злобно хихикают: поистине впору назначение!). Май 1855 года. Отъезд. Всегда перекладной телеге долго глядят двое. Солдат Достоевский — в будущем звезда российской литературы, и молодой прокурор Врангель — в будущем известный русский путешественник и дипломат, который много позже писал об этом прощании: «Отчаянись Достоевского было беспредельным, он ходил как помешанный при Мысли о разлуке с Марией Дмитриевной, ему казалось, что все для него в жизни пропало... сцену разлуки я никогда не забуду. Достоевский рыдал на взрыд, как ребенок».

Кузнецк. Напряженное одиночество. Окончательно падение «чиновника по корчмной

части». Вперемежку — бурные и жалостные периоды раскаяния. Недоброжелательное любопытство чиновничьего «света» (Кузнецк и Семипалатинск — один регион, и мордасовские нравы — гибрид виденного в Семипалатинске и Кузнецке). Сочувствие соседей вызывает только Паша Исаев, озорник-подросток, «безотцовщина». Пуще всего гнетет «благородная» бедность, которую нужно скрывать как дурную болезнь. Переписка с Семипалатинском идет оживленно. В ответ на мольбы Достоевского — короткие призывные записки. И вот уже мчится в Эмменогорск, — это на попугу между Семипалатинском и Кузнецком, — на назначенную встречу друзья, Достоевский и Врангель. И как назло все время что-нибудь случается. Неимоверных усилий стоит найти окажию и сообщить, что-де встречи не будет. Но вот из Кузнецка в Семипалатинск отправлено письмо. Исаева свободна. Исаева бедствует. Исаевой не на что похоронить мужа. Кто-то из сердобольных кузнецов посыпает Исаевой три рубля. И она эти три рубля берет, потому что «нужда руку толкала принять подаяние».

Первая интермедия, ведущая в сегодня. Она еще не знает, что в эту минуту не просто милостию взяла, а вписала одну из впечатляющих страниц в будущий роман «Преступление и наказание», где точно так, и точно в тех же обстоятельствах поступит Катерина Ивановна Мармеладова, и точно так же будет сетовать: если бы не бедность, разве такие б похороны устроила она мужу...

И не знает она, что не сохранится в Кузнецке холмик, под которым упокоился чиновник Исаев, умерший 4 августа 1855 года.

Передо мной публикация «Ф. М. Достоевский в Кузнецке», увидевшая свет в 1904 году в Томске в «Литературном приложении» к газете «Сибирская жизнь». Автор, Валентин Федорович Булгаков, последний секретарь Л. Н. Толстого, до конца своих дней проживавший в Ясной. Поляне, был уроженцем Кузнецка. Будучи студентом Томского университета, он часто наезжал в родной город и беседовал со старожилами, очевидцами кузнецких дней Достоевского. Публикация юного Булгакова не нашла широкой гласности, так

как автор, по его же словам, — «вовсе о ней забыл». Однако посетив родные места в 1958 году, Булгаков побывал в домике Достоевского и вспомнил о своей ранней публикации. Фотокопию с нее он подарил другу детства и коллеге по Томскому университету, тоже старожилу Кузнецка, Константину Александровичу Воронину, сотруднику Новокузнецкого краеведческого музея.

Итак: «Перед самым отъездом в 1857 году на могилу Исаева, где стоял лишь деревянный крест, была положена чугунная плита, изготовленная по распоряжению М. Д.» (ведь плита отливается не за день-два, ее должны были заказать с большим запасом времени, и — не для этого ли сооружения были взяты в отчаянии у Врангеля 50 рублей? — «Я вам отдам непременно, но не скоро!»). На Кузнецком кладбище Булгаков отыскал могилу и прочел эпитафию. «Мне кажется, с два ли Фед. Мих. и его жена предпринимали что-нибудь тогда, не посоветовавшись предварительно, а если так, то мы имеем основание предполагать, что Фед. Мих. участвовал в составлении этой эпитафии», — пишет он.

А эпитафия гласила: «Аз есмь воскресение и живот, веруй в мя имать живот вечный». Но разве выбор эпитафии не предопределял уже тогда роль, которую Достоевский отводил Исаеву в своем будущем творчестве? Ведь эпитафия эта — слово к «бедному Иову» (так называл себя сам Исаев), сияющему на пепелище, покорному, не ропщущему, которому за муки воздастся сторицю в мифическом загробном мире. Увы, Достоевский не мог в ту пору для Исаева подобрать иных слов, — ведь и он сам немало участвовал в обездоленности «маленького человека», и свою вину облегчал, посыпив тому бессмертие. И тогда — утрата надгробной плиты А. И. Исаева разве не равнозначна утрате блокнотной записи писателя или этюда художника? Но спесено старое кладбище, и из истории города Кузнецка исчез единственный след скромного чиновника, который был знаменателен дважды. Именно он послужил прототипом для одного из самых известных героев Достоевского и тем самым вошел в мировую литературу, потому что драма этого «униженного и оскорблённого» не

M. A. Isaeva

могла не поразить Достоевского-сочинителя своей типичностью — «Если были в нем недостатки, наполовину виновата в том его черная судьба. Желал бы я видеть у кого бы хватило терпения при таких неудачах» (из письма к Врангелю). Притом — чиновник Исаев, вооруженный всего лишь своей незащищенностью, сумел наметить для Достоевского первый виток «кузнецкого узла». В течение почти двух лет «маленький человек» смущает защитника «униженных и оскорбленных», оказавшегося перед ним в весьма двойственном положении — «Вы *это* мало знали. Боюсь, не виноват ли я перед ним, что подчас, в желчную минуту, передавал вам и, может быть, с излишним увлечением, одни только дурные его стороны. Он умер в нестерпимых страданиях, но прекрасно...» (из того же письма к Врангелю).

Кто знает, когда написаны были страницы о Мармеладове, — и не только! — не приносил ли Достоевский-сочинитель «повинную» памяти Исаева, обоженного Достоевским-человеком.

Мог ли чиновник по корчменной части — после которого и фотографии-то теперь не сыскать — мог ли он представить масштабы задачи, загаданной им писателю Достоевскому? Кузнецку, может, следовало бы задуматься и пегласную роль Александра Ивановича в мировой литературе отразить хоть косвенно в экспозиции Новокузнецкого краеведческого музея, коль дома-музея Достоевского в Новокузнецке все-таки пока нет. И спас будст *ли?*

Примечание к фабуле. Итак, Мария Дмитриевна Исаева свободна, и фабула ее романа вышла, кажется, на прямой путь. И что же? Достоевский на ней жениться не может — сам беден, унижен, бесправен.

Но вот находится в Кузнецке «добрый человек», приятель покойного Исаева, учитель Николай Борисович Вергунов; уроженец Томска, двадцати четырех лет от роду, и сам не так давно живущий в Кузнецке. Исаева полумывает о браке. Почему бы?

Она пишет Достоевскому и спрашивает совета: «А что, если человек пожилой, обеспеченный...» Она пишет исправду. От Достоевского ей нужна «интульгенция». Чтобы он сам разорвал ненавидимую цепь, неотвратимо влекущую к грозным и счастливым кузнецким дням. Почему бы?

Достоевский примчал в Кузнецк. Рискнул. Имет дела по службе в Барнауле, а уж отсюда-то... Состоялась встреча, все более затягивающая узел. Что такое — Вергунов? И вот уж Достоевский устанавливает с ним чуть не дружеские отношения, Вергунов рыдает у него на плече! — вполне «по-достоевски»...

Исаева имеет свое понятие. Кузнецк, в отличие от Семипалатинска, даже как будто «пригрел» ее. У Марии Дмитриевны даже появились близкие друзья: семья окружного исправника, Иван Миронович и Анна Николаевна Катанеевы, и теперь сей уже не так одиноко. И, похоже, она вовсе не торонится замуж. Даже за Достоевского. И именно за него. Почему бы?

Странно, но о браке не говорит и Достоевский! Напротив, совершенно «по-достоевски» он хлопочет о предоставлении учителю Вергунову более выгодного места. Что это? Отказ от Исаевой? Снисходительность и даже

расположение к удачливому сопернику? Отнюдь и отнюдь!

Отправлено в Кузнецк некое «общее» письмо, адресованное вместе Исаевой и Вергуновой. В нем изложены все сомнения, возникшие после того, как в Кузнецке состоялась встреча соперников, о чем сообщается другу Врангелю: «Будь он хоть раз идеальный юноша, но он все-таки не крепкий человек. А он не только не идеальный, но... Я представил все, что может произойти от неравного брака... А он истинно по-кузнецки и глупо принял себя за личность, и за оскорблении дружескую, братскую просьбу мою (ибо он сам просил у меня и дружбы и братства) подумать о том, чего он добивается, не сгубит ли он женщину для своего счастья, ибо ему 24, а ей 29, у него нет денег, определенного в будущности — и вечный Кузнецк».

Очевидно, ключ к странным хлопотам Достоевского о соперниках — в словах: «У него нет денег». («Она не должна страдать. Если уж выйдет за него, то пусть хоть бы деньги были. А для того ему надо место, перетащить его куда-нибудь...») Достоевского лихорадит! Но это только на первый взгляд. На самом деле — это «предельная» ситуация, когда всем уже не до приличий, потому что речь идет о спасении человека. А по сравнению с этим — что такое условности? Вполне логично. Но как похоже на «страницу из Достоевского»!

Вот мы говорим иной раз: «особый мир Достоевского». А был ли этот мир «особым»? Может, все иначе — в предельных условиях, в которые Достоевский ставит постоянно своих героев, и логика, хоть и очень строгая, но ведь — особыя.

От этой особой логики, очевидно, и колебания Исаевой,— а совместны ли окажутся они с Достоевским в обыденных, «не предельных» условиях? Скажете, — это после двух лет отчаянного стремления друг к другу и железной настойчивости Федора Михайловича в достижении этого дня? «Отказаться мне от нее (Исаевой) невозможно никак, ни в каком случае. Любовь в мои лета (ему 36) не блажь, она продолжается 2 года, слышите, 2 года, в 10 месяцев разлуки она не только не ослабела, но дошла до нелепости», — это голос До-

стоевского. Что сказала бы Исаева? Возможно, что она черезсур родственна по духу с Достоевским и именно потому брака с ним опасалась. Скажете, парадокс? Но это тоже — на первый взгляд.

Ибо какое же духовное родство, и у кого можно оно быть с личностью столь необыкновенной, как Достоевский?

Не странно ли, но он был влюблён. Не как мужчина, а как художник, влюблен в яркие и сильные характеры. У него был бурный роман с Аполлонией Прокопьевной Сусловой, женщиной «чирифиральной», в представлении современных ей обывателей. // Суслова отказалась Достоевскому. У него был роман с Анной, Васильевной Корвин-Круковской (впоследствии Жаклар), одной из будущих геронь Парижской Коммуны, — и она отказалась ему. Почему? Очевидно, именно потому, что быть родственной по духу с Достоевским значило как раз поступиться всем, что такое родство составляло, — силой духа, собственными интересами, увлечениями, одаренностью, — и «расторгнуться» в Достоевском. В сокрушительном его таланте. В ослепляющей его личности, которая под обманчивой простотой была похожа на коварную воронку, втягивающую в себя любого, кто с ней соприкасается,

Согласилась на брак мгновенно и без смятения двадцатилетняя Анна Григорьевна Синтикова, будущая вторая жена писателя, прожившая с ним 14 лет, до конца его жизни. Сорокачетырехлетний Достоевский называет ее «помощницей и утешительницей» и считает «человеком нужным и необходимым», а многие современники — без особого добра — «конторой по изданию сочинений Достоевского»; Анна Григорьевна, которая, как истос дитя благополучной среды, всегда точисхонько подводила баланс лебет-кредит и признавалась, что выплачивала замуж за Достоевского «по головной, идеальной любви»; Анна Григорьевна, которая в своих воспоминаниях рассказывает — правдиво и мило рассказывает! — лишь наиболее гладкую часть правды о Достоевском-памятнике, легкомысленно балуясь с историей и замалчивая многие эпизоды из жизни Достоевского-человека.

И вовсе по-другому согласилась на брак с

Достоевским Исаева. Она отважилась. Ни-
чуть не заблуждаясь в значимости сделанно-
го шага, и — после скольких колебаний!

Вторая интремедия, ведущая в сегодня. В феврале, дня шестого 1857 года поставлены, наконец, под «Обыском брачным № 17» подписи поручителей, которые не подозревают, что в этот миг переступили черту, отделяющую небытие, уготованное каждому, от истории, в которую отнюдь не всякий получает доступ. Они, жители Кузнецка, горстка друзей Исаевой, — этот доступ получили, оказавшись волей случая на одной жизненной странице с Исаевой и Достоевским. И не подозревают они, что это единственное вещественное свидетельство причастности Кузнецка к жизни великого писателя окажется отторгнутым от Кузнецка, поскольку безмътежно передана Семипалатинскому дому-музею выписка-копия названного акта так, словно «грозное чувство» и вовсе к Кузнецку касательства не имело. Этот единственный экземпляр выписки из брачного акта, увенчавшего почти трехлетний период смятений Достоевского, не представлен в Новокузнецке даже скромной фотокопии, хотя значимость этого документа для творческой биографии Достоевского вообще и для истории Кузнецка в частности ничуть не меньше, чем у погибшей лиственницы, фотография которой, к счастью, сохранилась в музее.

Есть и еще одна косвенная утрата, которую открыла перед нами неожиданная булгаковская статья: «Посещал Достоевский венчавшего его священника, о. Евгения Тюменцева, которому после прислал в подарок свою автобиографию». С Тюменцевым Булгаков тоже виделся. В 1904 году еще был жив этот самый непосредственный участник «кузнецкого праздника». У него хранилась автобиография Достоевского, подаренная ему «после». Может быть, после смерти Исаевой? И тогда подобная автобиография — есть исповедь, которой Достоевский считал себя обязанным человеку, так тесно связанному с памятью Исаевой. Разве такая автобиография, подаренная «после», — не та же повинная перед уже не существующей, возможно, женщиной, жизнь которой Достоевский отнюдь не скрасил?

Если к 1904 году живы были очевидцы кузнецких дней Достоевского, значит, еще недавно в Кузнецке и окрестностях должны были здравствовать (а может, живы и поныне?) их потомки. И кто знает, не хранится ли где-нибудь среди старых газет и бумаг драгоценный подарок Достоевского. Сколько новых узлов раскрыла бы такая автобиография — ведь до сих пор никаких упоминаний о ней не было.

Место в памяти. Почему — и правомерно ли — мы уделяем столько внимания роли Исаевой не только в жизни, но и во всем творчестве Достоевского, а соответственно отставляем «место в памяти» для Кузнецка, приблизившего «грозного чувства», где завязался — один из важнейших в биографии Достоевского! — кузнецкий узел?

Исаева не была «тихим ангелом», подобно Анне Григорьевне. Зато Исаева была человеком из истинно родного для Достоевского мира, что «за чертой»: нимало не думая о правах женщины, гарантированных эмансипацией, она осмелилась — не в Петербурге, не в Москве, не в Париже! — распорядиться своей жизнью по собственному усмотрению, находясь в фокусе проницательного внимания, которое посильнее самой мощной увеличительной линзы. Отношения с Исаевой и требовали как раз необходимого для Достоевского «предела». Исаева была созвучна Достоевскому по силе духа и потому не могла раствориться в нем. Не стала она и коллегой, подобно Анне Григорьевне, и беспощадный талант Достоевского отринул ее, а современники «грозного чувства», равно как и отдаленные потомки, допустили непростительную слепоту: незамеченней осталась «исподвольная» причастность Исаевой к будущему творчеству Достоевского. А между тем это с ней Достоевский познал тот рубеж, за которым человек отбрасывает шелуху рисовки — не до того ему! — и обнажает в предельных, необычных условиях все подспудное, ими мобилизованное. Это с ней Достоевский узнал бесценную горечь обнажения человеческой души, — может быть, отсюда во всем его творчестве невыносимо не защищенные, словно «подсмотренные» глубины.

Исаева встретила Достоевского не в дни ве-

личия, и не оно влекло ее к нему. Врангель, верный лестосице этого романа, сообщает, что «она в Федоре Михайловиче приняла горячее участие, приласкала его, но не думаю, чтобы глубоко оценила; скорее пожалела несчастного, забитого судьбою человека. Возможно, что даже привязалась к нему, но влюблена в него ничуть не была. Она знала, что у него нужда в средствах крайняя, да и человек он «без будущего», говорила она. Федор Михайлович чувство жалости и сострадания принял за взаимную любовь и влюбился в нее со всем цылом молодости».

Будучи натурой незаурядной, не вписывающейся ни в свое время, ни в свои обстоятельства, и ничуть не уступая в «колоритности» таким фигурам, как Суслова и Корвин-Круковская, Исаева была, возможно, значительнее их. Незаурядность избранниц Достоевского была во многом взращена, питаема и приумножена теми интеллектуальными сокровищами, которые были им доступны и из которых они черпали всю жизнь. Насколько труднее было Исаевой не только быть, но и оставаться незаурядной в ее обстоятельствах! Она не жила в больших и просвещенных городах, она не вращалась в среде лучших умов своего времени, она не посещала музеев, выставок и библиотек. Она довольствовалась скучным запасом впечатлений, которые могла перчерпнуть в самой глубинной провинциальной среде, где самообразование — своеобразный подвиг. Очевидно, значительность ее характера и богатство духа были врожденными, и потому общение с ней так влекло окружающих.

Примечательно и другое. Многие современники Достоевского считали, что произведения, написанные в трудные времена, еще в бытность Исаевой, гораздо лучше отшлифованы, чем те, что были написаны в более благополучные годы. Конечно же, гигантский талант Достоевского не нуждался в благотворном «литературном влиянии». Но... ведь Достоевский-художник необыкновенно восприимчив, «Препарируя» любого партнера, он как бы отождествляется с ним, врастает в его оболочку, невольно и добровольно выбирает в себя его отпечаток навсегда.

Возышенность духа Марии Дмитриевны и ее

«Обыск брачный Л. 17»

образованность («образована как редко бывают образованные женщины!») отмечены самим Достоевским. Натура и манера мыслить Анны Григорьевны тоже весьма прозрачно про-глядывают в ее воспоминаниях. А по ее утверждению, именно она была «первой читательницей» Достоевского и он прислушивался к ее советам!

Не отсюда ли двойственность образов Достоевского этой поры, несущих несовместимые и не сживающиеся «оттиски» двух столь разных личностей, влиявших на бытие писателя?

Прекрасен был кузнецкий праздник... Тому порукой воспоминания очевидцев, приведенные в названной статье Булгакова. Кузнеца

Т. М. Темезова сообщает: «...благодаря участию Катанаевой, свадьба вышла весьма пышная. За народом едва можно было протолкаться вперед. Конечно, присутствовало в церкви и все лучшее кузнецкое общество. Дамы были все разнаряжены. В церкви — полное освещение. Сначала, как водится, приехал жених. Конечно, внимание всех на него обратилось. И я смотрела с любопытством: хоть мне и было только лет 16, но я слышала, что он не простой человек,— писатель... Он, помню, был уже немолодой человек, лет тридцати восемь, довольно высокий, выше, пожалуй, среднего роста.. Лицо имел серьезное. Одет он был в военную форму, хорошо, и вообще был мужчина видный. Жениха сопровождали два шафера: учитель Вергунов и чиновник таможенного ведомства Сапожников. Скоро прибыла и невеста, также с двумя шаферами. Одним из них был сам исправник Иван Миронович Катаев. Худенькая, высокая и стройная, Мария Дмитриевна одета была очень нарядно и красиво, хотя и вдовушка. Венчал о. Евгений Тюменцев... Были и певчие...»

Почти то же сообщает о свадьбе и другой очевидец, Д. Н. Окороков, который в 1904 году жил в селе Бачаты, за 100 верст от Кузнецка. Булгаков заезжал к нему на обратном пути в Томск. Окороков был наблюдательнее шестнадцатилетней девушки, увлеченной только параллелью свадебной церемонии. «Он был лично знаком с Фед. Мих. и часто встречался с ним на вечерах, которые устраивались еще до свадьбы у Катанаевых, — читаем мы в статье Булгакова, — Достоевский присутствовал на них вместе с невестою. По словам Окорокова, он всегда бывал в очень веселом расположении духа, шутил, смеялся. Это сообщение должно для нас быть особенно интересным. Как известно, вообще Фед. Мих. отличался характером необщительным, даже мрачным. Очевидно, здесь, в Кузнецке, под влиянием близости любимого существа, вдали от служебных обязанностей, от мест неприятных тяжелыми воспоминаниями, Фед. Мих. чувствовал себя, если не вполне счастливым, то удовлетворенным. Этим и можно объяснить его хорошее расположение духа, о котором говорит и на котором... прямо настаивает Окороков».

Это ли не прямое указание, что был, был-таки «кузнецкий праздник», и значение его хорошо понимал и сам Окороков, и, повторяю, патриот своего города Булгаков, который явно стремился привлечь внимание общественности именно к кузнецкому дому.

Из этого дома выходит на охоту Федор Михайлович в болотных сапогах-бронях и в широкополой кожаной шляпе, совсем как охотник на картине Перова.

Рядом с этим домом жил оригинал-сапожник, который своим стуком мешал работать Достоевскому, но не поддался ни на какие уговоры и компенсации — «скучал без работы».

Однако все это — Не самое главное.

Читатель, маленький дом в Старокузнецке — свидетель «кузнецкого праздника» Достоевского!

Кузнецкий узел. Но почему так неожиданно и быстро дописана глава «Исаева». В Твери, только что вернувшись из Сибири, Достоевский сетует: «Живу точно на станции. Даром теряю время... Взял на себя заботы семейные и тяну их». И ничего более. Это — Врангелью. Поверхному «грозного чувства» кузнецкой поры. Недолго же после кузнецкого впечатления сохранил Достоевский-человек свое «грозное чувство»! Но Достоевский-чиновник сохранил память об Исаевой навсегда, и следы ее нетрудно заметить во всем его творчестве. Более того — ярче и дальше помнил он все, что связано было с «пределной» коллизией этого романа, — мордасовские пра-вы и драмы «Села Степанчикова» тому пору-кой.

Не забыл Достоевский и «вергуновский пас-саж». Если Александр Иванович Исаев, сам того не ведая, определил первый виток «кузнецкого узла», то последующие витки добавил к нему Николай Борисович Вергунов.

По самым «горячим следам» написан «Дядюшкин сон». Силой своего беспощадного таланта Достоевский не только «расправляется» с провинциальными обидчиками, но и с Вергуновым. Сперва — он «раздавливает» Вергунова. В романе это — и Вася, «учитель уездного училища, почти еще мальчик» (вспомним, Вергунов моложе Исаевой на пять лет!), который любит Зину, но чисто по-мордасовски

совершает неблаговидный поступок, огласив ее письмо к нему. Он — и Мозгяков, неудачливый Зинин жених. «Манеры его были бы недурны, но он часто приходит в восторг и кроме того с большой претензией на юмор и остроту. Одет отлично, белокур, недурен собой» (но разве Вергунов, по оценке Достоевского, не «самовлюбленный» провинциальный щеголь, нагловатый и «недурен собой»?).

Раздвоив Вергунова, Достоевский еще и «умерщвляет» его в лице Васи, перед смертью заставив его раскаяться (а разве в «Обыске брачном» мы не встречаем с удивлением подпись «раскаявшегося» Вергунова?).

Не говоря о хрестоматийно известном отражении «кузнецкого треугольника» в «Униженных и оскорбленных», — кто знает, не от вергуновского ли пассажа зигзаги судьбы Настасьи Филипповны, то назначавшей, то отменяющей свадьбу с купцом Рогожиным и с князем Мышиным, — навсегда запомнилось Достоевскому тревожное и счастливое венчание в Кузнецке. И не имеет ли прямого отношения к установлению «братства» с Вергуновым сцена «братаания» с обменом крестами между Мышиным и Рогожиным (подпись Вергунова на обыске брачном — разве не тот же «крест братания?»). Помнил Достоевский и лихорадочную, грозную пору, когда мчался в Змеиногорск, мечтая о встрече с Марией Дмитриевной, и украдкой «сбегал» к ней в Кузнецк, чтобы улаживать «Вергуновскую коллизию», и не отблеск ли той поры в отчаянных бросках Дмитрия Карамазова, в безнадежной его любви к Грушеньке. И не колебания ли Марии Дмитриевны между состраданием и благодарностью к Вергунову, и невыносимость быть «в долгу» у любимого человека — Достоевского, не эти ли колебания напали подспудное отражение в тяжком узле, каким связал Достоевский Катерину Ивановну с Митей и Иваном Карамазовыми.

Так, может, потомки оказались несправедливыми к Вергунову, лишь полусинходительно вспоминая о нем? И был ли он в действительности столь малопримечательной и даже малосимпатичной фигурой, как это следует из отзывов Врангеля и самого Достоевского?

Горячность «расправы» с Вергуновым в

«Дядюшкином сне», а также то, что много лет спустя Достоевский все еще наделял самыми противоречивыми чертами героев, в которых легко найти прямой или отраженный прототип Вергунова, невольно привлекает внимание к загадочному кузнецкому учителю.

Говорят, мы пуще всего не любим тех, кому причинили зло. Не оказалось ли, что Достоевский-сочинитель вынужден использовать весь арсенал своего таланта, чтобы Достоевский-человек мог оправдать перед самим собой более чем пристрастное отношение к стоявшему на пути Вергунову. Ведь именно в этой коллизии, — во второй раз за сибирский период, прошедший под знаком Исаевой, — Достоевский вынужден войти в тяжелое противоречие с самим собой и переступить через надежды «малого человека».

Ведь этот загадочный учитель совершил «по-достоевски» ряд странных поступков, от которых первоначально построенная Достоевская схема — «провинциальный соперник, которого нетрудно подавить» — постоянно дает брешь.

Вергунов беден, моложе Исаевой на 5 лет, знает о ее болезни, в маленьком Кузнецке, где свежи в памяти «последние времена» опустившегося Александра Ивановича, готов взять ее в жены с пасынком, которого сумел привязать к себе душевностью и постоянным вниманием. Вот уж истинно братство «униженных и оскорбленных», даже при том, что была Мария Дмитриевна достаточно привлекательна, чтобы заставить скромного учителя забыть все «но», сопутствующие такому браку!

Узнав о сопернике Достоевском, Вергунов «предлагает дружбу и братство», что распенивается Достоевским как отступление — необходимость стущеваться перед сильным соперником. Однако предложение было сделано не сразу и, очевидно, не так легко было подавить Вергунова. В поединке с Достоевским вдруг оказалось, что перевес на стороне слабого юноши. Вспомним, Достоевский не только Вранглю пишет, что не отступится от Марии Дмитриевны, потому что «ведь я права нанее имею, права...». Он искренно верит в свое превосходство над Вергуновым именно из-за этих прав и соответственно держит себя с кузнец-

кими партнерами. Достоевский до последней минуты не уверен, а вдруг Вергунов, который ни о каких правах не помышляет, единственное силой своей любви, чуть не из-под венца отберет у него Марию Дмитриевну. Чем же был Вергунов так опасен для Достоевского, если казался человеком нестойким в своих решениях, слабовольным, легко подавляемым? Вспомним, Достоевский сообщает Брангело, что на «общее» письмо, отосланное кузнецанам, Вергунов посыпал «ответ ругательный». Как же должен быть уверен Достоевский в своей силе и в ничтожности Вергунова, чтобы адресовать в Кузнецк такое назидательное письмо, и каким «бунтом» оказался для него полный достоинства ответ Вергунова: «Да, я беден, но я от всей души люблю ее, и она любит меня. Вы спрашиваете, на какую жизнь я ее обрекаю. Но те самые двадцать четыре года, которые вы используете как главный довод против меня, можно обратить и в мою пользу — ведь если мне двадцать четыре года, то у меня еще всепереди!.. Да и не по той ли причине убеждаете вы меня «отказаться» и «не портить» ей жизнь, что хотите получше устроить свою собственную жизнь?» Некоторый вызов, содержащийся в письме Вергунова, кажется не «ругательным», а оправданным, если вспомнить, что это ответ на такие слова Достоевского: «Неужели вы не понимаете, что участь жены учителя в уездной школе, пусть даже получающего 900 рублей ассигнациями, и вечный Кузнецк, это не для нее, что ей, образованной, сильной — уготован иной удел!.. Чем можете вы ее поддержать, если сами и шага не сделали без поддержки!».

Всё более затягивая «кузнецкий узел», юноша, у которого «конечно сердце... добро, и плакет он искренне, но, кажется, только и умеет плакать» и притом «еще собирается устраивать свою и ее жизнь», — вдруг не только устраивается с пути Достоевского, но еще и делает вполне решительные, хотя и неожиданные шаги. Так, в «Обыске брачном № 17» мы, как уже было сказано, с удивлением находим в качестве «поручителя по женеху» опять-таки... подпись Вергунова. Не оказалось ли так, что честно сопоставив себя С таким соперником, как Достоевский, и чест-

но признав его неоспоримое превосходство, из-за чего и счел его более достойным руки Исаевой (поступок, тоже требующий немалого мужества!), Вергунов самоустранился, ничуть не в результате неотступного давления Достоевского, а в силу собственной убежденности: прежде всего счастье Марии Дмитриевны. Тем не менее юноша, который как будто «и шага не сделал без поддержки», не просто «уступает» Марию Дмитриевну, но и трезво оценивает пелетский привилегии Федора Михайловича. Возможно, обладая пророчеством, свойственным большому чувству, Вергунов решает, что в браке с Достоевским Исаеву ожидают немалые рифы. Присутствие Вергунова на свадьбе тоже, очевидно, не просто хорошая мина при дурной игре, а еще один заслон против будущих осложнений в жизни Исаевой. Он не только не порывает, а укрепляет видимость добрых отношений с четой Достоевских — это дает возможность поддерживать и вперед связи с Марией Дмитриевной и в случае необходимости оказать ей естественную поддержку, как друг семьи.

И все это — напрочь пренебрегая собственным цокотливым положением. Кузнецк — не столица. Очевидно, многие давно судачат, как обмануты надежды бедного учителя и кто у него соперник! Не потому ли в преддверии венчания с Исаевой Достоевский постоянно удивлен тем, что Вергунов не только не прячется от людей, хотя, «видно, что горе сломило его», но, напротив, постоянно бывает в тех домах, где бывают Достоевский с Исаевой. Тем самым, — ценою немалого унижения, — Вергунов придает пристойный вид происшествию, а может, и рассказывает в домах, где знают всех участников драмы, наиболее удобную для Марии Дмитриевны версию. Кто скажет сейчас, не звучали ли во время таких визитов уверения, что он, Вергунов, счастлив, видя, как достойнейшая женщина, после многих страданий, нашла наконец вполне достойного друга жизни!..

Сугубо предположительно. Есть и еще виток в «кузнецком узле». В своих довольно развязных воспоминаниях об отце Любовь Федоровна Достоевская, дочь писателя от второго брака, рассказывает, будто знает «со

слов», что Вергунов последовал за Исаевой, когда Достоевские покинули Сибирь, и что близость его с Марией Дмитриевной продолжалась чуть не до ее кончины, в чем она и призналась Достоевскому перед смертью. И долго считалось, что этот рассказ — плод недоброжелательности, которую дочь унаследовала от матери, отчаянно ревновавшей Достоевского к памяти Исаевой.

Однако в 30-х годах в Новокузнецкий краеведческий музей поступает письмо учителя Порфирия Гавриловича Зенкова. Тесно сязанный со старожилами Кузнецка, Зенков слышал много интересных подробностей о кузнецких днях Достоевского от Николая Алексеевича Попова, который проживал в Кузнецке с 1887 года. Попов был дружен с Дмитриевым-Соловьевым, хозяином домика, где два года жила Исаева, и Дмитриев оказался невольным свидетелем сложной коллизии Достоевский — Исаева — Вергунов. Судя по подписи Дмитриева на «Обыске брачном № 17», как поручителя по невесте, был он не вовсе сторонним человеком для Марии Дмитриевны. С его слов и стало известно Попову, а от него Зенкову, что Вергунов последовал за Марией Дмитриевной в Тверь и далее «и даже брал у нее деньги!». Значит, такой эпизод вовсе не придуман Л. Ф. Достоевской?

И тогда, отойдя от «штампа восприятия», хотелось бы представить, что заставило Вергунова покинуть Кузнецк? Не оказалось ли, что предположения отвергнутого претендента оправдалось вполне. Марии Дмитриевне действительно потребовались и помошь и поддержка, и даже очень неиздолго. И вот уж едет Вергунов в Тверь, но, может, не вовсе гонимый лишь романтическим порывом! Вспомним, Вергунов уроженец Томска, недавно похоронил мать. После отъезда Исаевой из Кузнецка, где он сам — пришлый человек, Вергунов должен чувствовать себя уж вовсе одиноко. Может, еще до предположительного зова Марии Дмитриевны помышлял он о переезде поближе к «просвещенным столицам»? И тогда вполне естественно мог выбрать для пересада именно Тверь, где у него «родная душа» Исаева — разве не породнились они «братьев людем»? И, может, даже на поддержку

Достоевского мог он рассчитывать — разве не были предложены «дружба и братство». Но Вергунов — не более чем уездный учитель. Покидая Кузнецк и не имея никаких сбережений, он лишается всяких средств к жизни. На новое место устроиться не сразу, и тогда — почему не мог Вергунов обратиться за помощью к Марии Дмитриевне, и более того, почему не могла она, даже без всякой просьбы, поддержать его, хотя и сама была достаточно стеснена (ведь не раз оказывал он ей такую помощь в кузнецких дни?). И очень возможно, что Достоевский-сочинитель, все творчество которого — стремление к «братьству людей», не смог побороть Достоевского-человека, и действительно очень был недоволен непрерванной кузнецкой ниточкой... Ведь и в этом случае та же «пределная» ситуация, что заставила некогда Достоевского хлопотать об устройстве Вергунова. Надо спасти человека, и приличия, невельящие отвергнутому претенденту принимать помошь от Исаевой, а тем более рассчитывать на «связи» ее мужа, теряют всякую значимость.

По этой же логике вполне вероятно и предсмертное признание. Исаева была поразительно правдива, к тому же честна и добра, ведь Достоевский, которого она в свое время «пожалела как несчастного забитого судьбой человека», недаром же называл ее «великодушной женщины!» Разве не могла она обратиться к Достоевскому с предсмертной просьбой не оставить без помощи Вергунова — неужели бывший ссыльный солдат уже забыл горечь нищеты и одиночества?

Все, что здесь сказано, не является собою открытия, не освещает каких-либо неожиданных материалов или положений, не известных литературоведам. Это лишь попытка, с помощью известного, дополнив маленьными штрихами из воспоминаний новокузнецкан, представить себе, что означал в жизни Достоевского «кузнецкий узел», связавший судьбы четырех людей, из коих один был защитником многажды описанных им «униженных и оскорбленных» и в руках своих держал судьбы остальных трех, вполне реальных «малых людей». Загадочная фигура Вергунова, о поведении которого откровенно писал Достоевский —

Врангелю, Достоевский — Исаевой, Исаева — Достоевскому, казалось бы, достаточно освещена. Но ведь поступки любого человека — не просто сумма шагов. Важно найти стержень, который определял бы и объединял его поступки. Хотелось бы, отринув «штамп восприятия», проследить, насколько сильный отпечаток оставил кузнецкий учитель в жизни великого сочинителя, а отсюда — насколько интенсивны были переживания Достоевского, связанные с Кузнецком.

Если под крышей убогого домика в Старокузнецке вершились столы грозовые события, могли покинуть его Достоевский, не запомнив навсегда, — и даже полюбив! — ибо сочинитель не мог не пенить и горькие минуты, пережитые здесь. И тогда вправе ли мы пенить этот домик меньше?

Третья интермедиа, ведущая в сегодня. Весной 1977 года в Новокузнецке был паводок. Мне сообщили, что домик Достоевского был залит водой выше крыши, в нем погибли ценные издания и документы и что вывод напрашивается лишь один — «всем миром построить новый дом Достоевского, раз уж, как говорится, вспомнились стихии». Кого бы такое известие не взволновало? Вспоминаю, что 20 мая 1965 года в «Литературной газете» было опубликовано письмо за подписью видных литераторов страны, напоминающее о необходимости сохранить единственные два памятных места сибирской ссылки Достоевского — семипалатинский и кузнецкий дома, — и что среди подписей была фамилия Галины Владимировны Коган, директора Музея-квартиры Достоевского в Москве. Обращаюсь в этот музей и встречаю полную готовность оказать всемерную помощь затопленному дому. От самой Г. В. Коган узнаю, что интерес именно к старокузнецкому дому — как к обители «грозного чувства» великого писателя — растет повсеместно и с каждым днем. Поэтому московский музей готов взять на себя постановку экспозиции в этом доме, широко снабдить ее фотодокументами, письмами изданиями и другими материалами, осуществлять научное руководство и обеспечить тематические консультации, словом, ввести такое шефство в свои рабочие планы, стоит лишь лишь обществен-

ности Кузбасса обратиться в московский музей с соответствующей просьбой.

Перед разговором в Новокузнецком горисполкоме я побывала в домике Достоевского — хотелось уточнить, какие именно ценные документы и издания там погибли, так как до того я никогда не слыхала об их существовании. За высоким забором, которым теперь был обнесен этот дом, я ожидала увидеть почти руины. Но оказалось, что буйно зеленеет тополь, который помнит, наверное, встречи Достоевского с Исаевой, а за стеклами дома, за которыми мерцали лица участников кузнецкой драмы, видны были не только аккуратно связанные стопки книг (библиотека закрыта), но и зеркально блестящие полы, никак не свидетельствовавшие о бедствии. Да и весь домик, похоже, стоял крепко. В соседних домах спокойно жили те, кто должен был пострадать от паводка, ничуть не меньше, чем названный дом. Кому же понадобилась ссылка на коварство стихий?

Известный казахский ученый академик А. Х. Маргулан пишет: «Семипалатинку повезло, что его история связана с именами выдающихся личностей. Такие гении, как Достоевский и Валиханов, в столетие рождаются один раз».

Но ведь Кузнецку судьба ли повезло меньше, чем Семипалатинску, — ведь не каждому городу выпадает на долю счастье тени.

Скажете: в Кузнецке Достоевский бывал так недолго! Но разве количеством времени, а не интенсивностью измеряются события в жизни человека? В течение почти двухлетнего пребывания Исаевой в Кузнецке настроение и вдохновенность Достоевского зависели от вестей, поступающих от нее, — разве не жил он в ту пору душой и мыслью в этом городе? Разве не от Кузнецка шли в те поры счастье и горе писателя?

Счастье? Разве же был Достоевский счастлив с Исаевой? Читатель, это не сомнения автора. Это упорное заблуждение, которое еще так недавно бытовало в Кузбассе. Именно его доводилось услышать, когда речь шла о печальной судьбе старокузнецкого домика Достоевского. Как будто мы вправе дать точную оценку чьему-либо счастью, тем более припад-

лежавшему такому непостижимому Достоевскому.

Так не скрывалось ли за рассуждениями о счастье Достоевского равнодушие и нежелание взять на себя хлопоты, связанные с восстановлением не просто места, а должного места, принадлежащего по праву пепицейшему памятнику мировой культуры, находящемуся в нашем крае?

Читатель, конечно, догадался, что настоящая статья, нарочито отстаивающая, казалось бы, вполне очевидную значимость Исаевой в жизни Достоевского, является некоторым образом ответом на непонимание весомости «грозного чувства» великого писателя. От такого непонимания не нависла бы угроза над кузнецким домиком. Сгорел же он нарочком, полыхая подозрительно жарким пламенем в дождливую осеннюю ночь, не менее важный памятник Кузнецка — старый Народный Дом. И тем более так недавно спилина чуть не полтора века прожившая «лиственница Достоевского», лишь потому что ветви ее мешали стреле башенного крана...

Скажете: неоправданная тревога? Ведь принято решение Министерства культуры РСФСР об открытии музея имени Ф. М. Достоевского в Кузнецке в 1981 году к 100-летию со дня кончины писателя. Но решение — не свершение. Разве не было принято решение об открытии отдела социалистического периода Новокузнецкого краеведческого музея в погибшем теперь Народном Доме?

Преувеличена ли тревога и не правомочно ли настойчивое желание автора еще и еще раз привлечь внимание читателя к значимости кузнецкого домика, коль намеченный в нем музей по сей день не имеет не то что научного совета, но даже конкретного названия (название — значит, направление!), а к общему удовлетворению числится в планах просто литературно-мемориальным музеем (как будто музей, посвященный памяти писателя, может быть не литературным или не мемориальным!)?..

Разве можно представить себе в кузнецком домике стандартную экспозицию с «псевдона-

туральным» столом Достоевского, коли в этом доме он никогда ничего не писал? В этом доме лишь зарождались будущие творения, зачатые в смятениях и восторге. Ибо здесь писатель познал горечь сомнений. И здесь же был счастлив. И разве не была в ту пору хозяйкой и горя и счастья Достоевского незаурядная женщина Мария Дмитриевна Исаева, жившая в этом доме? Разве не ее портрет во весь рост должен бы встречать у входа посетителей будущего музея? Разве нельзя представить этот своеобразный музей как обитель тех персонажей из тех произведений писателя, в которых нарочито отразился «кузнецкий праздник» со всеми упомянутыми коллизиями? Разве стандартные витрины с фотокопиями-свидетельствами «петрашевства» Достоевского, которые можно встретить в любом школьном музее любого города, а не они, эти персонажи, детища «грозного чувства», должны населять маленький дом, который влечет к себе в течение ста лет краеведов, исследователей, писателей и художников?

Не могу представить этот музей без своего, особого лица, без «февральских чтений» Достоевского. Без театрализованных вечеров, концертов, просмотров кинопостановок по романам писателя, ежегодно в феврале, который мог бы стать юбилейным «месяцем Кузнецка». Я думаю, что в создании этого музея, не тревожась о ведомственных границах, должны участвовать все, кто сколько-нибудь причастен к культуре Кузбасса. Я думаю, что, не опасаясь нарушить административную иерархию, каждый житель Кузбасса, которого заботит культура родного края, вправе спросить у Новокузнецкого музея, у общества по охране памятников, у управления культуры облисполкома: достаточно ли рачительно используется памятник республиканского значения — кузнецкий дом Достоевского. Тогда, кто знает, сколько новых страниц будет вписано в обширную литературу, посвященную творчеству писателя. Ф. М. и М. Д. Достоевские ждут своего дома. Хочется верить, что это будет дом, достойный «грозного чувства».